

Будни японской хореографии

ШКОЛА ГОР И МОРЕЙ

Неравесная сагата. — 1998, — 30 сент. — с. 7.

Наталья Звенигородская

ТОЛЬКО суетным жителям Лилипутии могло прийти в голову развязать войну остроконечников и тупоконечников. Экая, согласитесь, нелепица! Спор о том, с какого конца разбивать яйцо, выеденного яйца не стоит. Проблема-то вовсе не в этом, а в том, чтобы поставить яйцо вертикально — так по крайней мере утверждают мудрые японцы. А они знают, о чем говорят. Вернее, танцуют. Именно так, «Унэцу» («Поставить яйцо вертикально», или «Вертикальные яйца»), называется спектакль, показанный на сцене Театра имени Евг. Вахтангова ансамблем современного танца «Санкайдзюку» в рамках Фестиваля японской культуры в России.

«Санкайдзюку» (в буквальной переводе «Школа гор и морей») был создан в 1975 году. Из тридцати двух участников через год в труппе осталось трое. Теперь их пятеро, этапной вехой считают 1980-й, когда ансамбль пригласили на международный фестиваль в Нанси и знаменитый Фестиваль в Авиньоне. С тех пор совершили 16 мировых турне, посетив 34 страны.

Как ни коробит то, что в одном из анонсов «Унэцу» Россию называют «невежественной в отношении культуры своего главного Восточного соседа», это во мно-

гом справедливо. Знаете ли вы, к примеру, что такое «буто»? Не отводите глаза. Балетные критики, собравшиеся перед премьерой на пресс-конференцию, знали не больше вашего. А потому учинили руководителю работающего в этом стиле ансамбля Усио Амагацу допрос с пристрастием.

Буклет объяснял: «буто», не традиционный для Японии стиль танца, возник как одна из форм творческого самовыражения послевоенного поколения. Японские исполнители решили соединить западную и восточную школы танца, пытаясь найти хореографическую форму, которая могла бы отразить дух новой Японии. «Буто» строится на сочетании техники дыхания, движения, эмоции с природной энергией Земли.

Красиво. Но балетные критики — народ дотошный. Если родился новый стиль, каковы его принципы, на какую школу опирается? И поконкретнее, пожалуйста. Амагацу был, похоже, слегка обескуражен. О кухне, точнее о классе, говорить не стал, пояснив лишь, что во время репетиций не использует зеркал: себя, глядя на собственное изображение, исправлять не хочет, а для четырех его танцовщиков он сам — лучшее зеркало. Поднажали. Добавил: важно, как перекачивается нога по полу; скажем, легкое касание способно передать тончайшие движения души.

Куда охотнее делился Амагацу не тем, как, а тем, что хотел он

сказать своим спектаклем. Миф о рождении жизни из яйца существует во всех культурах. Он родился независимо друг от друга у многих народов. Взаимосвязь, диалог культур — вот что волновало создателя «унэцу». А еще дихотомия (по его собственному выражению) мироздания: пространство—время, прочность—хрупкость, начало—конец. В этом спектакле Амагацу попытался воплотить идею философа Тэндзи Гюдай: рождение—смерть—возрождение.

Несмотря на переизбыток объяснений, спектакль получился. Выразительные средства его скупы, но не бедны. А потому зрелище это необычайно красиво и строго.

Почти весь планшет сцены занимает бассейн — основное место действия. Впрочем, действия, в его обычном понимании, нет. Сверху, точно в гигантских песочных часах, сыплется песок — символ времени и смерти. Монотонно журча, льется вода, олицетворяющая жизнь; справа, на авансцене, небольшая площадка, а над ней — вертикальные яйца. Они парят вне времени и пространства и абсолютной формой своей привораживают взгляд. Нездешние звуки гонга — на сцене появляется Усио Амагацу, а вслед за ним четверо остальных. Выбритые головы, набеленные лица, белые одежды. Кончики пальцев рук — какого-то будто изнутри светящегося

красного цвета. Неторопливые (и это мягко сказано) движения. Амагацу настаивает: в этом соль. Ни тени стилизаторского жеманства, пряного восточного кокетства. Амагацу и его танцовщикам действительно удается накачать нас через рампу некой энергией.

Отдельный, совершенно особый спектакль — заключительный поклон артистов, объяснить который вовсе уж никак невозможно. Пятеро артистов, как водится, из глубины сцены подходят к рампе, чтобы поклониться аплодирующей публике. Что тут такого? Они просто приседают в традиционном поклоне, ритмично наплывая на рампу и откатывая от нее. Но молчавший поначалу партер тут и там выстреливает упругое «Браво!», а когда один из танцовщиков сдержанно и как бы нехотя поднимает белоснежную с алыми лепестками ногтей руку, чтобы помахать зрителям, зал — взрывается.

Вот тебе и энергия Земли. Впрочем, чему удивляться? Кто, как не японцы?..

Но, помнится, специфика «буто» — в сочетании восточной школы с западной. Формально оно налицо. Элементы танца модерна узнаваемы, однако природа и сам дух этих двух школ настолько различны, что сочетание это, по-моему, искусственное. Оно едва-едва не разрушает волшебство.

А все же не разрушает.